

ГЛАВА I

Звук трамвайного звонка вырвал Рудницкого из задумчивости, он поморщился от вони пота и выпитой водки — похоже, стоящий рядом грузчик утешился после работы самым дешевым базарным самогоном. Невзирая на протесты пассажиров, алхимик протиснулся к дверям. Скоро остановка. За окном проносились облепленные объявлениями столбы, вычурные польско-немецкие вывески, иногда по улице проезжала двуколка, которую тянули сторбленные от напряжения мужчины. Оккупирующие Варшаву немцы отменили большинство антипольских указов, но одновременно ввели жестокие реквизиции на нужды армии. Их трофеем становились не только кони и скот, но даже медные кастрюли. Что ж, весной одна тысяча девятьсот шестнадцатого года было ясно видно, что все планы быстрого окончания войны — всего лишь миф.

Рудницкий, которого толкнула приземистая, воняющая чолнтом и куглем¹ бабища, налетел на стоящую перед ним женщину. Та гневно зашипела и повернулась с выражением лица, не обещающим ничего хорошего. Виктория...

¹ Чолнт и кугел — традиционные еврейские блюда.

— Вижу, ты пользуешься случаем и нескромно прижимаешься к невинным барышням, — заметила она с легкой насмешкой.

Рудницкий неуверенно кашлянул. Они не виделись со времен памятной встречи перед королевским замком, и это не потому, что он ее избегал. Виктория пропала, словно сквозь землю провалилась. Правда, специально он ее и не искал, помня о ее связи с Кинжальщиками, а теми лучше было не интересоваться.

— Извиняюсь, — пробормотал он. — Это все толпа. Тем не менее...

— Ну?

— Приятней прижаться к тебе, чем к некоторым попутчикам.

— Я лучше? — задала она провокационный вопрос.

— А как же, и, прежде всего, ты решительно лучше пахнешь.

Его собеседница засмеялась, показывая ровные белые зубки. Вот, казалось бы, еще одна молодая непритязательная девушка, которую хотелось схватить за руку или за коленку. Но Виктория — правая рука лидера Кинжальщиков. Обидишь такую, и повезет, если успеешь написать завещание.

Трамвай остановился на Театральной площади, недалеко от дворца Яблоновских, и Рудницкий продвинулся к выходу, вежливо поклонившись на прощание. К его немалому удивлению, Виктория последовала за ним.

— Как бизнес? — спросила она, беря его под руку.

— Так себе, — с неохотой признался он. — Почему спрашиваешь? Мне кажется, я рассчитался с твоими... друзьями.

— Ох, нет причин для беспокойства, я спрашиваю, поскольку мне интересно.

— Половину отеля заняли немцы, штабные офицеры. Естественно, никто из них не платит.

— А что с аптекой?

— Тоже ничего удивительного: потерял большинство клиентов из-за отсутствия первичной материи. Самые эффективные лекарства требуют, к сожалению, эту составляющую, а сейчас никто не суется в анклав.

— Но ведь нет запрета, — удивилась девушка.

— Ну да, — признался Рудницкий. — Только без охраны идти туда — самоубийство. К сожалению, варшавский генерал-губернатор, Его превосходительство Ганс фон Безелер, решил, что доступ в анклав открыт исключительно для... цитирую: «лицензированных членов гильдии и их помощников в количестве не более трех человек».

— И почему это?

— Боятся, — буркнул алхимик. — Правда, до этого времени еще никто не открыл боевую возможность использования первичной материи в широком масштабе, но в будущем... кто знает? Это могло бы изменить ход войны. Немцы следят за тем, чтобы не нарушать законы, которые соблюдали даже россияне, они не хотят рисковать.

— Ты идешь в управление?

Рудницкий подтвердил каким-то невразумительным бурчанием. Уже год во дворце Яблоновских размещалось немецкое правительство, а недавно он стал и центром городского совета.

— Они должны меня наказать, — объяснил он, видя вопросительный взгляд девушки. — На прошлой неделе я выставил из отеля одного... Кажется,

капитана. Один из высших чинов позволил ему воспользоваться своими апартаментами, и говнюк оказался дальним родственником какого-то эрцгерцога или графа. Ну и обвинил меня в саботаже приказов генерал-губернатора.

— И что тебе могут сделать?

— А я знаю? — пожал плечами Рудницкий. — Будет хорошо, если только влепят штраф, ведь могут и отель забрать.

— Шугишь?

— Ни в коем случае! — быстро возразил алхимик.

— Может, все будет не так плохо. Безелер пытается расположить к себе поляков.

— Вроде и так, но сомневаюсь, чтобы он поставил варшавского аптекаря выше немецкого офицера, еще и родственника кого-то из аристократов.

— Что будешь делать, если заберут отель?

— Не знаю. Надеюсь, что до этого не дойдет.

Алхимик полез в карман плаща: выражение лиц солдат, охраняющих вход, ясно говорило, что они не впустят никого без надлежащих документов. Через минуту солдат в чине фельдфебеля показал рукой, что он может пройти.

— Я подожду тебя, — сказала Виктория.

Он поблагодарил ее грустной улыбкой и открыл массивные двери. По двойной лестнице, ведущей вверх, непрерывным потоком тянулись посетители. В основном это были убого одетые гражданские, хотя и военные попадались. Рудницкий поднялся на второй этаж и осмотрелся. Комната пятьдесят семь, референт Шлятсе. Судя по фамилии, немец. Несмотря на различные рассчитанные на получение поддержки жителей Варшавы жесты, было известно, кто тут правит...

Вопреки предположению Рудницкого, который ожидал кого-то типа засушенной книжной моли, Шлятсе оказался молодым, энергичным мужчиной, дружелюбным и с безупречными манерами. К сожалению, это не изменило предписаний письма, которое он ему вручил. «Герр Рудницкий должен в течение недели освободить отель вместе с прислугой, помещение передается в распоряжение военной коммандатуры».

— Вы можете обратиться к генерал-губернатору, — посоветовал Шлятсе, говоря на польском с почти незаметным немецким акцентом.

— И что мне это даст? — горько хмыкнул Рудницкий. — Россияне и то меньше крали... — Он резко замолчал, внезапно сообразив, что и кому говорит.

Однако чиновник не выглядел оскорбленным.

— У Его превосходительства связаны руки, — проинформировал он. — Однако ситуация не безнадежна. Офицер, который подал жалобу, использовал ускоренную процедуру вынесения решения, свойственную для таких дел. К тому же он дальний родственник генерала Людендорфа, поэтому...

— Ну конечно, — прервал его алхимик. — Еще один отпрыск аристократа. В такие моменты хочется стать социалистом!

— Какого там аристократа! Людендорф — сын мелкого чиновника из Поможа. Просто сейчас он в милости у Его Величества.

Рудницкий нахмурил брови, встревоженный тоном собеседника. Похоже, что Шлятсе хочет сказать ему что-то вне протокола.

— Что я должен сделать? — спросил он прямо.

— Попросить аудиенцию у генерал-губернатора, — терпеливо повторил немец.

— И что дальше?

— Я уверен, что Его превосходительство подскажет вам решение этой проблемы.

— Разве? Я очень сомневаюсь, что он вообще знает о моем существовании. Личная аудиенция? Ну да! Я слышал, что адъютант эрцгерцога Юзефа Фердинанда ждал две недели, пока Его превосходительство найдет время его принять...

— Адъютант того хлыща и бабника? — с презрением спросил Шлятсе. — Ничего удивительного! Но вас это не касается.

Рудницкий еще раз посмотрел на мужчину. Благодаря науке Анквича он знал, что искать: свободная, ровная осанка, лицо, повернутое к собеседнику, но тело вполоборота, правая рука возле пояса. Шлятсе жестикулировал только левой...

— Если вы референт, то я балерина, — задумчиво заявил алхимик. — Что это за игра?

— Уверяю вас, я являюсь кем-то типа референта, хотя не в этом управлении. Игра? Сейчас все игра, а мы — фигуры на шахматной доске...

— Очень глубокомысленно! — иронично процедил алхимик. — А попроще?

— Подайте завтра прошение в канцелярию Его превосходительства. Я гарантирую, что генерал-губернатор примет вас.

Рудницкий кивком ответил на поклон немца и двинулся к выходу. Его не прельщал разговор с Безелером — было слишком очевидно, что оккупанты чего-то хотят от него. Вопрос с отелем в лучшем случае был второстепенным, а в худшем был единственным способом привлечь внимание некоего Олафа Арнольдовича, бывшего великого магистра варшавской гильдии алхимиков и, по словам

Анастасии, адепта. Да, ситуация решительно усложнялась...

— Ну что? — спросила Виктория. — Какие новости?

Рудницкий в нескольких предложениях передал ей свой разговор с таинственным референтом.

— *Abteilung drei b*, — без колебаний сказала она.

— То есть? Что это за отдел?

— Военная разведка, — пояснила она. — Тобой заинтересовалась военная разведка кайзера. Удивительно, что только сейчас.

Алхимик стиснул зубы — не принято было ругаться в присутствии дамы. Внезапно дела отеля оказались не столь уж важными.

— И что мне делать?

— Если они хотят с тобой поговорить, ситуация не самая плохая.

— Я не вмешиваюсь в политику!

— Иногда у нас нет выбора, — спокойно заметила Виктория. — Так или иначе, нечего нервничать. Поговоришь с Безелером, а позднее увидимся.

— Увидимся? — переспросил Рудницкий. — И чем таким я привлек твое внимание? Или внимание Кинжальщиков? — тихо добавил он.

— Только мое, — заверила она, глядя ему в глаза. — Если не хочешь меня видеть, просто скажи, и я исчезну. Ну так как?!

Рудницкий первым отвел взгляд, не похоже было, что девушка врала ему, а с другой стороны, до этого времени ничего не указывало, что он был особо привлекательным для противоположного пола. А тут пожалуй-ста, такое внимание со стороны госпожи Виктории...

— Что ты от меня хочешь? — спросил он прямо. — У меня нет ни денег, ни влияния, ну и, конечно же, я не красив, как герой кино.

— Позволь мне самой судить о твоей внешности. Влияния? Ты себя недооцениваешь. Все уверены, что твой уход с должности великого магистра гильдии уничтожил «Серебряный замок». Ты — легенда, Олаф Арнольдович, — игриво добавила она.

— Понятно, ты хочешь... инвестировать в мое общество до того, как другие дамы сориентируются, какое я сокровище?

— Что-то в этом духе, — признала она с наигранной серьезностью. — Приятно с тобой поговорить, но мне нужно бежать. Может, завтра встретимся? Мы могли бы подумать над требованиями Безелера.

Алхимик согласился: не вызывало сомнений, что генерал-губернатор что-то от него хочет, а девушка не раз и не два доказывала свою полезность. Например, спасла ему жизнь во время атаки на отель. Да уж, с Викторией лучше жить в мире. Ну и нечего скрывать, девушка была очень симпатичной. «Может, это и ошибка, — хмуро подумал Рудницкий, — но я просто мужчина, и вид красивой мордашки поднимает мне настроение. Но если речь идет о Виктории, то не только настроение».

— Конечно, я тебя приглашаю, — сказал он.

* * *

Генерал Ганс-Гартвиг Безелер — среднего роста тучный мужчина с мясистым лицом и задорно закрученными усами — не производил грозного впечатления. Ничем не прикрытая лысина и покрасневшие от усталости глаза придавали ему слегка комичный вид, однако Рудницкий был начеку: бытовало мнение, что генерал-губернатор принадлежит к наиболее компетентным немецким офицерам: именно он

взял крепости Антверпен и Модлин, считавшиеся самыми укрепленными в Европе.

Беспокойство алхимика усиливало и поведение Безелера: генерал поздоровался с ним, пожав руку, и вежливо ждал, пока Рудницкий займет место в удобном, обитом кожей кресле. Генерал-губернатор имел репутацию порядочного человека, и немецкие националисты обвиняли его в чрезмерной симпатии к полякам, однако было сомнительно, чтобы в нормальных обстоятельствах он оказал бы подобный прием кому-то, кто стоял значительно ниже в социальной иерархии. Все же данные обстоятельства не были нормальными...

— Герр Рудницкий, — начал без вступления генерал, — меня обязали передать вам просьбу от высокопоставленной особы...

— Я думал, речь пойдет о моем отеле, — нервно перебил его алхимик.

— Поговорим и про отель, — успокоил его Безелер. — Однако это дело более важное. Честно говоря, очень важное.

— Слушаю, Ваше превосходительство.

— Его Величество император Всея Руси Николай II прислал мне письмо с просьбой отправить вас в Петербург. Как следует из письма, это связано с состоянием здоровья наследника престола, цесаревича Алексея. Его Величество пишет, что Алексей уже был вашим пациентом, и тогда вы пообещали проконсультировать его при малейшей потребности... — Безелер замолчал, ожидая комментариев.

— Да, конечно, — признался Рудницкий. — Я лечил наследника престола и обещал, что в случае ухудшения здоровья буду в распоряжении цесаревича.